

Продолжается пополнение Обобщенного банка данных, содержащего информацию о погибших и пропавших без вести (ОБД «Мемориал»).

Дома нам помогают воспоминаниями наши фронтовики-ветераны, а здесь у нас оказался ветеран вермахта, который воевал в этих краях и теперь пытался найти своих погибших товарищей.

Полное наименование гранаты «Stielhandgranate 24», сокращенное «Stielhgr 24». В наших справочниках и документах за ней утвердилось название М-24.

Человеку, избалованному современным автопромом, постоянно ездить на «Хантере» будет, наверное, тяжело. Создатели автомобиля не слишком заботились об эргономике.

Военная археология

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Антон Торгашев

Фото автора

SEELow HEIGHTS

(German: SEELOWER HÖHEN), LOOKING THROUGH THE TIME

«В дорогу, в дорогу –
Настал конец терпению
И сердце рвется вновь напополам.
В дорогу, в дорогу –
Ревет мотор «Уазика»
И этот звук на душу как бальзам.
В дорогу, в дорогу,
И нечего загадывать,
Часы твои считает только Бог.
В дорогу, в дорогу,
Как хочется, ребята,
Чтоб он нам в экспедиции помог...».

Let's take the road, let's take the road!
We came to the end of patience, our
hearts are shredding in half once again
Let's take the road, let's take the road!
The engine of our car is roaring, and
this sound is balm to the soul
Let's take the road, let's take the road!
No need to take a long shot, only God
may count hours of our lives
Let's take the road, let's take the road!
O! We hope to God's help during our
expedition ...

Вот и подходит к концу 2010 год. Год 65-летия Великой Победы. И, наверное, символично, что последняя в этом году «Вахта Памяти» для редакции журнала «Военная археология», проходила совместно с поисковым объединением «V.B.G.O.» из Германии, представители которого любезно пригласили нас поучаствовать в поиске не захороненных останков солдат Красной Армии и вермахта на Зееловских высотах. Это был один из последних мощных оборонительных узлов в укреплениях немцев перед Берлином.

Местечко, где нам предстояло работать, называлось Клессин и располагалось недалеко от Франфурта-на-Одере.

Преодолев около 1800 километров из Москвы, утром мы прибыли на место. В Клессине мы размышляли, как же нам найти наших друзей. Но это оказалось совсем не трудно. На поле, посредине деревни, бродило множество людей в оранжевых комбинезонах – отличительной одежде членов поисковой организации «V.B.G.O.». Недалеко виднелся, успевший всем нам полюбоваться, мини-экскаватор.

Заметив своих друзей – командира поисковой группы Альбрех-

The year of 2010 is nearly over. This is the 65th anniversary of the Great Victory. And maybe it is symbolic that the last in this year «Watch» for the Military Archeology magazine staff took place jointly with the German search organization VBGO. The folks from VBGO kindly invited us to take part in the searches of tombless remains of the Red Army and Wehrmacht soldiers at the Seelow Heights. It was one of the last defensive centers of German fortifications at the approaches to Berlin.

The place of our oncoming works was named Klessin and situated not far from Frankfurt an der Oder.

After covering about 1,800 kilometers from Moscow in the morning we arrived at the site. In Klessin we speculated on how we can find our friends. But it turned out to be not so difficult. On one field where the corn was already cleared (in Germany it is used in large quantities for biomass fuel processing) in the midst of the village there was a lot of men dressed in the orange overalls that are distinctive clothes of the VBGO search organization members. A mini-excavator which already caught our fancy could be seen not far.

Лагерь для школьников в Германии, где жили поисковики

Благодаря местному руководству, после обеда у нас появилась возможность посетить местный «краеведческий» музей, находящийся на территории школы. В надежде получить как можно больше информации мы с нетерпением отправились туда. Небольшая экспозиция, находившаяся на втором этаже, рассказывала об истории жизни местного населения с незапамятных времен до настоящего времени. Но больше всего нас заинтересовал стенд о периоде Второй Мировой войны. Любопытно было увидеть экспонаты, которыми пользовались местные жители на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы. Людям надо было как-то выживать. В дело шло все: кувшин был изготовлен из противогазного бачка, миски и половники – из корпуса гранаты «панцерфауста»...

Нашлись в музее и сведения об участии подразделений Красной Армии в штурме Клессина. Оказывается, бои за взятие этой местности вела 77-я гвардейская стрелковая дивизия, и только она во всей Красной Армии имела в своем составе батальон Славы, то есть батальон, в котором все воины были награждены орденами Славы.

Данные из наградного листа, хранящегося в школьном музее:

Гром Федор Петрович. 1925 г.р. Украинец. Член ВЛКСМ.

Младший сержант, наводчик 45-мм орудия 218-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка 77-й гвардейской стрелковой Черниговской ордена Ленина Краснознаменной и ордена Суворова дивизии.

Представляется к ордену СЛАВЫ III степени.

Участвует в Отечественной войне с апреля 1944 года, 1-й Белорусский фронт. Имеет одно ранение.

12.10.1943 призван Черниговским РВК Черниговской области.

Наград не имеет.

Черниговская обл., Щорсовский р-н, село Лосево-Слобода.

Мать: Довбыш Ксения Ивановна

«В боях за населенный пункт Клессин, превращенный гитлеровцами в опорный узел сопротивления на западном берегу реки Одер, противник оказывал упорное сопротивление. 23 марта 1945 года артиллерийский расчет орудия, где наводчиком был товарищ Гром, не смотря на сильный артиллерийско-минометный огонь противника, на руках выкатил пушку к одному из домов, где засели немцы и прямой наводкой уничтожил две амбразуры в подвале дома, откуда гитлеровцы вели огонь из фаустпатронов.

Неоднократно меняя боевую позицию, орудие вело уничтожение огневых точек и живой силы противника, содействуя успеху продвижения нашей пехоты.

Достоин правительственной награды ордена «Славы III степени»

Командир 218 гвардейского Краснознаменного полка...».

Having got sight of our friends (the leader of the search group Albrecht, his assistant and a part-time excavator tamer Stefan, great fellow which speaks Russian pretty well – Robert, smiley calm Swiss named Thomas) all these fellows with whom we found a pleasure in working this summer in Poland, we hastened to join them. All were joyful at a new meeting, the chance of speaking, discussing the news of the search movement in Russia and other things. At that moment our Polish friends Andrey and Bartek came. As they worked at the other end of the field they have not noticed us straight away. However, we were not going to chat all the time, that is why after exchanging a few words with them we joined our «orange» search friends.

That part of the field where we were going to work was marked out with signal flags. To my question: «What is this?» Albrecht explained that the search method must be the following: there is an aerial photograph of the area made few days after combat operations have been over in this place, and this aerial photograph should be imposed upon the up-to-date map. Then the coordinates of the area should be calculated, how and where trenches were located, thereafter all this is to be reconstructed at the site. That's why here are those small flags. Using the ground metal detectors and excavator we have to survey as large area as possible.

Дома нам помогают воспоминаниями наши фронтовики-ветераны, а здесь у нас оказался ветеран вермахта, который воевал в этих краях и теперь пытается найти своих погибших товарищей.

Из воспоминаний, Мучински Хайнца (Mutschinski Heinz), 1925 года рождения:

«В феврале 1945 года из учащихся юнкерских пехотных школ образовывали новые полки. Ядро их состояло из юнкеров (приблизительно 25%), к которому добавлялись служащие Фольксштурма, Вермахта, даже 17-летние юноши. Мы проходили обучение в военном училище Вецлар Вайльбург (Wetzlar/Weilburg). Таким же образом возник и наш юнкерский моторизованный 1242-й полк.

Практически полностью уничтоженные в районе населенных пунктов Подельциг (Podelzig), Вуден (Wuhden) и Клессин (Klessin) немецкие войска отводились с боевых позиций, и эти позиции следовало занять нам. Нас ожидал ноч-

Extract from the memoirs, Mutschinski Heinz, born in 1925

In February, 1945 the new regiments were made from the students of Cadets Infantry Training Schools. Their main body was consisted of the cadets (about 25%), to them servicemen from Volkssturm, Wehrmacht, even young men of seventeen were added. We trained in the Wetzlar/Weilburg Military Academy. In the same way our 1242nd cadet motorized regiment was formed.

The German troops nearly completely destroyed in the vicinity of Podelzig, Wuhden and Klessin were withdrawn from combat positions, and these positions should be overrun by us. We had a night march through Mallnov to the frontline in Klessin ahead of

Мучински Хайнц (Mutschinski Heinz), 1925 года рождения

Geboren 1925 in der Ukraine, Kanonier im 218. Gardeschützenregiment der 77. Gardeschützendivision der 1. Belorussischen Front.

Untersergeant Grom wurde am 23. März 1945 mit dem Ruhmesorden 3. Klasse ausgezeichnet. In der Verleihungsurkunde heißt es dazu:

„Im Kampf um Klessin am 23. März 1945, an der Westseite der Oder gab es starken Widerstand von Seiten des Gegners. Die Geschützbedienung, Untersergeant Grom war Richtschütze an der 45 mm Kanone, dass von feindlichem Feuer eingedeckt war, bewegte ihr Geschütz von Hand an das Haus heran, wechselte mehrfach ihre Stellung und versetzte einen Unterschutz des Gegners im direkten Schuß.“

Mit dem Haus ist das Schloss Klessin gemeint, welches sich auf exponierter Position am Oderhang befand.

Орден Славы третьей степени,
принадлежащий Гром Федору Петровичу

Thank to the local management after lunch we had an opportunity for visiting the local history museum situated within the school area. In the hope of receiving as much information as possible we went there immediately. A small exhibit on the second floor of the school was devoted to the history of the local people from the beginning of time to current times. But most of all we were interested in the exhibition stand telling about World War II. It was interesting for us to see the things used by the locals at the final stage of the war and during the first postwar years. The people had to survive. They made use of all – a jug was made from a gas mask canister, dishes and soup ladles made from the panzerfaust bomb case ...

Unfortunately, at the date of this issue publication we failed to find any official information about this operation. For that reason we will rely on the stories of the eyewitnesses and those materials which we managed to find. Don't be surprised that the information from the German part will be more abundant.

In the museum we saw the new (at least for us) information about the participation of the Red Army units in the Klessin assault. It turns out that combats for this area were conducted by the 77th Guard Rifle Division, and only this division of all the Red Army had the battalion of Glory that is to say such a battalion in which all the soldiers were awarded with the orders of Glory.

Data from the commendation list kept in school museum:

Grom Fyodor Petrovich, born in 1925. Ukrainian. Member of VLCSM (All-Union Leninist Young Communist League).

Junior sergeant, 45-mm gun layer of the 218th Guard Rifle Regiment awarded with the Order of the Red Banner of the 77th Guard Rifle Chernogovsky Division awarded with the Order of Lenin, Order of the Red Banner and Order of Suvorov

Nominated for the order of Glory of the third degree

Participated in Patriotic War since April 1944, the 1st Belorussian Front

Had one battlefield wound

12.10.1943

Called up for military service by Chernigovsky RCC of the Chergovsky Region

No awards.

Chergovsky Region, Schorsovsky district, village of Losevo-Sloboda

Mother: Dovbysh Kseniya Ivanovna

«During the battles for Klessin which was turned by the Hitler's forces into a supporting defensive post on the west bank of Oder the enemy maintained resistance. On the 23rd of March, 1945 the artillery section of the gun where the comrade Grom was a gun layer in spite of the enemy's sharp shell- and mortar fire manhandled the gun into position near one of the houses where the Germans settled down and using point-blank fire destroyed two firing openings in the house cellar from where the Hitlerites fired from faustpatrones.

More than once repositioned the gun was destroying firing-points and troops of the enemy thus contributing to our infantry progress.

Worth of the government award of the Order of Glory of the third degree

Commander of the 218th Guard Rifle Regiment awarded with the Order of the Red Banner ...»

та, его помощника, а по совместительству укротителя экскаватора Штефана, замечательного парня, сносно говорящего по-русски Роберта, улыбчивого тихого швейцарца Томаса – всех, с кем мы имели удовольствие работать этим летом в Польше, мы поспешили к ним. Все радовались новой встрече, возможности поговорить, обсудить новости поискового движения в России и не только это. Вот подросли и наши польские друзья – Анджей и Бартек. Работая на другом конце

ной марш через Малльнов на передний край фронта в Клессине. 6-я и 7-я роты уже заняли непосредственно замок в Клессине, а также имение. Наш взвод был выведен на позиции для прикрытия флангов приблизительно на расстоянии четырехсот метров от Клессина перед небольшими участками леса напротив оврагов по направлению к населенному пункту Лебус (Lebus). Там находились едва вырытые окопы, глубиной всего около пятидесяти сантиметров, а укрытия лишь слегка были прикрыты еловыми ветками. Так как до 10 марта 1945 года боевых действий практически не было, мы смогли использовать это время для укрепления наших позиций.

Через находящуюся рядом ложбину мы могли видеть пространство целиком до Одера. Там виднелся построенный русскими pontонный мост. Для наших пехотных орудий он был слишком далек, так что русские могли беспрепятственно осуществлять укрепление своих плацдармов. В ночь с 9 на 10 марта нас посетил командир нашей роты, который, проходя через овраг, едва не оказался у русских. Около 3 часов ночи я должен был доставить его обратно в распоряжение командования роты. Там его уже ожидал адъютант из командования батальона. Мы выпили вдвоем немного коньяку, после чего я вновь отправился к нашим позициям. Была темная, но ясная ночь. Около 4 часов утра мы с лейтенантом продолжили работу по строительству бункера. Внезапно, на расстоянии примерно двадцати метров от нас взорвалась русская граната, что нам, однако, не помешало продолжить работу. После чего я вновь услышал свист, и еще одна граната взорвалась позади нас. Я

us. The 6th and 7th companies already occupied the castle in Klessin as well as the land around it. Our platoon was moved to the positions for protecting the flanks about four hundred meters from Klessin in front of small woods facing the ravines towards to Lebus. There were hurry-scurry cut trenches only fifty centimeters deep, and shelters were only slightly covered with fir branches. As till March 10, 1945 there were nearly no combat operations, we could use this period for fortifying our positions.

Over the hollow near us we could see all the area up to Oder which was within 1,500 meters. A ponton bridge built across Oder by Russians could be seen there. It was beyond the range of our infantry cannons, so the Russians might freely fortify their springboards. On the night of 9/10 March, we had a visit of our company commander which near was caught by the Russians while passing through the ravine. About 3 o'clock in the morning I had to take him back to the company command positions. An adjutant of the battalion command waited for him there by the moment. We three drank a little cognac after which I made for our positions once again. The night was dark but fair. About 4 o'clock in the morning the lieutenant and I continued work on the bunker construction. All of a sudden, at a distance of about twenty meters from us a Russian bomb exploded. But this did not deter us from continuing the work. Thereafter I heard again the whizz, and another bomb exploded behind us. I'd even noticed that the fire was directed straight against us. However, we continued our work. The lieutenant raked out the earth from the trenches, while I was crushing the side walls from above. Suddenly we heard a very loud whistling close to us. The lieutenant bent immediately,

поля, они не сразу нас заметили. Впрочем, мы не горели желанием проговорить все время напролет, поэтому после небольшого общения, присоединились к нашим «оранжевым» друзьям по поиску.

Та часть поля, на которой нам предстояло работать, была размечена флажками. На мой вопрос: «Что это?», Альбрехт объяснил, что технология поиска такова: существует аэрофотосъемка местности, сделанная через несколько дней после окончания боевых действий в этом месте, которая накладывается на современную карту. Потом рассчитываются координаты местности, выясняется, как и где проходили траншеи, после чего все это реконструируется на местности. Вот откуда флажки. При помощи глубинных металлоискателей и экскаватора нам предстояло обследовать как можно большую территорию.

Первый день поиска выдался на редкость интересным, богатым на артефакты и новые знакомства. Ведь у нас дома, в России, практически невозможно выкопать, например, «панцерфауст» или автоматическую винтовку «штурмгеввер». А здесь – пожалуйста.

Впрочем, при раскопках, нам попадались в основном хвостовики от советских минометных мин, и осколки артиллерийских снарядов. А останки немецких солдат обнаруживались либо вовсе без опознавательных знаков, либо с целыми жетонами. Только двое из них, видимо, были похоронены своими товарищами на скорую руку. По рассказам местных, практически до конца апреля 1945 года здесь продолжались бои и как только первые жители вернулись в эти места, то наткнулись на траншеи, в которых вперемешку лежали русские и немцы. Да и в самом замке Клессин, один

Так выглядел замок в Клессине до 1945 года

еще заметил при этом, что огонь был направлен прямо на нас. Тем не менее, мы продолжали нашу работу. Лейтенант выгребал землю из окопа, я же сверху лопатой размечал боковые стенки. Вдруг рядом с нами мы услышали очень сильный свист. Лейтенант сразу же наклонился, а я упал в вырытую яму. Нам повезло, взрывами никого не задело. После этого обстрела наступила полная тишина.

Внезапно около 10 часов начался непрекращающийся трехчасовой ураганный огонь, и именно по нашим позициям. Никто не мог поднять головы из окопов, все было в пороховой пыли, повсюду гремели взрывы. Потом ко мне подполз санитар и сказал, что унтер-офицера ранило прямым попаданием. Обе ноги оторваны, так что он ничем не может больше ему помочь. Каждый мог только надеяться, что в него самого снаряд не попадет. Мы совершенно зарылись в землю, поэтому в этой ситуации вряд ли можно было общаться друг с другом. Каждый искал в своем отрезке самое глубокое и, следовательно, самое безопасное место. Каждый надеялся при этом, что чаша сия его минет. Все вокруг заволочено дымом. В такой ситуации, ни о какой атаке не могло быть и речи. Странно было то, что я сам был довольно спокоен. Из смоченной слюной глины я лепил маленькие домики, пока не возникла целая деревня с церковью. Потом мне пришла в голову мысль о том, что надо бы спрятать под себя мой «МР», чтобы в него не попала грязь...

The first day of our search was extremely interesting, rich of artifacts and new acquaintances. After all at our home in Russia it is practically impossible to dig out such things as a *panzerfaust* or *Sturmgewehr* assault rifle. And here – you are welcome. At home the memories of our war veterans made contributions to our work, and here we had a Wehrmacht veteran which fought in these parts of the world and now was seeking to find his dead fellows.

Here are those memories that push us involuntarily back to the distant year of 1941 when our army found itself in a situation similar in many respects to the one of the Germans near Berlin in 1945. During the excavations here we tumbled everywhere only upon tails of Soviet mortar shells and shrapnel from Soviet artillery shells. And remains of German soldiers were found either without any identification marks at all or with intact ID tags. It seems only two of them were buried in a hurry by their companions. According to the stories of the local habitants the battles lasted here until the end of April more or less. And though it makes one sad to speak of this but the first habitants returned here encountered the trenches where fallen Russian and German soldiers laid mixed together. Moreover, in the castle of Klessin one of the sheds was fully filled with our dead soldiers. Thus, we have a lot of work to be done and it seems we must come here again.

... You can postpone work but never lunch – the Germans never change to their traditions. That's why prompt at noon we had a work break and all went to have lunch, which was made directly on the place.

By evening we have excavated two Wehrmacht

and I fell into the excavation. I'd managed to see the salvo fire (within about two meters), but by this time I was already within the dead area. We both were fortunate. Then all sank into silence. Suddenly about

10 o'clock a 3 hour incessant hammering fire began, and it was directed straight against our positions. Nobody could lift a head from the trenches, all was covered by the gunpowder, explosions thundered everywhere. Then a medical orderly crept up to me and said the Unteroffizier had been wounded by a direct hit. His both legs were torn off, so the medical orderly would not be able to do anything more about this. Everyone could only be hopeful that the shell would miss him. We all got below ground, so under these circumstances it was hardly possible to communicate with one another. Each was looking for the deepest and hence the safest place in his section of trenches. Each was expecting that he would escape the danger and this horror would pass him by. All was clouded by the smoke. In this situation the assault was totally out of the question. It was strange that I myself was quite calm. From the clay wet with my saliva I mold small houses till a whole village with the church was made. Then I realized that I should cover my MP to keep it safe from dirt ...

Suddenly at about 13.00 it became very quite after that we had to pass through other three rafales. During the last attack the edge of the trenches crashed down. In this hell about 25–30 of our fellows were killed. All at once a complete silence fell, we

поля, они не сразу нас заметили. Впрочем, мы не горели желанием проговорить все время напролет, поэтому после небольшого общения, присоединились к нашим «оранжевым» друзьям по поиску.

Та часть поля, на которой нам предстояло работать, была размечена флажками. На мой вопрос: «Что это?», Альбрехт объяснил, что технология поиска такова: существует аэрофотосъемка местности, сделанная через несколько дней после окончания боевых действий в этом месте, которая накладывается на современную карту. Потом рассчитываются координаты местности, выясняется, как и где проходили траншеи, после чего все это реконструируется на местности. Вот откуда флажки. При помощи глубинных металлоискателей и экскаватора нам предстояло обследовать как можно большую территорию.

Первый день поиска выдался на редкость интересным, богатым на артефакты и новые знакомства. Ведь у нас дома, в России, практически невозможно выкопать, например, «панцерфауст» или автоматическую винтовку «штурмгеввер». А здесь – пожалуйста.

Впрочем, при раскопках, нам попадались в основном хвостовики от советских минометных мин, и осколки артиллерийских снарядов. А останки немецких солдат обнаруживались либо вовсе без опознавательных знаков, либо с целыми жетонами. Только двое из них, видимо, были похоронены своими товарищами на скорую руку. По рассказам местных, практически до конца апреля 1945 года здесь продолжались бои и как только первые жители вернулись в эти места, то наткнулись на траншеи, в которых вперемешку лежали русские и немцы. Да и в самом замке Клессин, один

Так выглядел замок в Клессине до 1945 года

еще заметил при этом, что огонь был направлен прямо на нас. Тем не менее, мы продолжали нашу работу. Лейтенант выгребал землю из окопа, я же сверху лопатой размечал боковые стенки. Вдруг рядом с нами мы услышали очень сильный свист. Лейтенант сразу же наклонился, а я упал в вырытую яму. Нам повезло, взрывами никого не задело. После этого обстрела наступила полная тишина.

Внезапно около 10 часов начался непрекращающийся трехчасовой ураганный огонь, и именно по нашим позициям. Никто не мог поднять головы из окопов, все было в пороховой пыли, повсюду гремели взрывы. Потом ко мне подполз санитар и сказал, что унтер-офицера ранило прямым попаданием. Обе ноги оторваны, так что он ничем не может больше ему помочь. Каждый мог только надеяться, что в него самого снаряд не попадет. Мы совершенно зарылись в землю, поэтому в этой ситуации вряд ли можно было общаться друг с другом. Каждый искал в своем отрезке самое глубокое и, следовательно, самое безопасное место. Каждый надеялся при этом, что чаша сия его минет. Все вокруг заволочено дымом. В такой ситуации, ни о какой атаке не могло быть и речи. Странно было то, что я сам был довольно спокоен. Из смоченной слюной глины я лепил маленькие домики, пока не возникла целая деревня с церковью. Потом мне пришла в голову мысль о том, что надо бы спрятать под себя мой «МР», чтобы в него не попала грязь...

The first day of our search was extremely interesting, rich of artifacts and new acquaintances. After all at our home in Russia it is practically impossible to dig out such things as a *panzerfaust* or *Sturmgewehr* assault rifle. And here – you are welcome. At home the memories of our war veterans made contributions to our work, and here we had a Wehrmacht veteran which fought in these parts of the world and now was seeking to find his dead fellows.

Here are those memories that push us involuntarily back to the distant year of 1941 when our army found itself in a situation similar in many respects to the one of the Germans near Berlin in 1945. During the excavations here we tumbled everywhere only upon tails of Soviet mortar shells and shrapnel from Soviet artillery shells. And remains of German soldiers were found either without any identification marks at all or with intact ID tags. It seems only two of them were buried in a hurry by their companions. According to the stories of the local habitants the battles lasted here until the end of April more or less. And though it makes one sad to speak of this but the first habitants returned here encountered the trenches where fallen Russian and German soldiers laid mixed together. Moreover, in the castle of Klessin one of the sheds was fully filled with our dead soldiers. Thus, we have a lot of work to be done and it seems we must come here again.

... You can postpone work but never lunch – the Germans never change to their traditions. That's why prompt at noon we had a work break and all went to have lunch, which was made directly on the place.

By evening we have excavated two Wehrmacht

and I fell into the excavation. I'd managed to see the salvo fire (within about two meters), but by this time I was already within the dead area. We both were fortunate. Then all sank into silence. Suddenly about

10 o'clock a 3 hour incessant hammering fire began, and it was directed straight against our positions. Nobody could lift a head from the trenches, all was covered by the gunpowder, explosions thundered everywhere. Then a medical orderly crept up to me and said the Unteroffizier had been wounded by a direct hit. His both legs were torn off, so the medical orderly would not be able to do anything more about this. Everyone could only be hopeful that the shell would miss him. We all got below ground, so under these circumstances it was hardly possible to communicate with one another. Each was looking for the deepest and hence the safest place in his section of trenches. Each was expecting that he would escape the danger and this horror would pass him by. All was clouded by the smoke. In this situation the assault was totally out of the question. It was strange that I myself was quite calm. From the clay wet with my saliva I mold small houses till a whole village with the church was made. Then I realized that I should cover my MP to keep it safe from dirt ...

Suddenly at about 13.00 it became very quite after that we had to pass through other three rafales. During the last attack the edge of the trenches crashed down. In this hell about 25–30 of our fellows were killed. All at once a complete silence fell, we

Замок в апреле 1945 года

из сараев был полностью заполнен телами наших солдат. Так, что работы предстояло много...

...Но работа работой, а обед по расписанию — немцы никогда не изменяют своим традициям. Поз-

soldiers and have done a good deal of groundwork too for the next day.

To our camp where we would live we drove about fifteen minutes. On the road, in each village we saw a lot of various pumpkins — Halloween was coming and the locals were preparing to it. Children were putting on various costumes, and were with bags running around and visiting neighbors in the hope of receiving some delicious food. All in all, it was something like our Maslenitsa festival (also known as Pancake week) ...

After having got to a place we saw a common summer camp similar to the camps of Russian Young Pioneers. The difference between that camp and Young Pioneer camp was, however, apparent.

Rooms for four persons, each room equipped with a wash stand, heating system, set of bedclothes. There was a shower and bathroom on the floor, large meal included breakfast and dinner (lunch as previously mentioned was served at the field).

The evening was dedicated to the acquaintance with the rest of our team members. The VGBO organization has gathered under its wings the searchers from Poland, Holland, Germany, Switzerland and Russia. It is difficult to determine how many of us were there because all the time some left while others, on the contrary, arrived.

In the morning — the time for getting up, breakfast and work again. A stream of cars from the camp moves towards Klessin. The excavator opens methodically the earth hopeful of luck. By the way, the Lady Luck smiled on Stefan several times. It was he who

Внезапно около 13.00 наступила тишина, после чего нам, тем не менее, пришлось пережить еще три волны огня. При последней атаке на нас рухнул край окопа. В этом аду погибли 25–30 наших товарищей. Вдруг наступила абсолютная тишина, мы услышали «ура» русских, и лейтенант Тидик сказал: «Они идут». В пороховом дыму на расстоянии примерно двадцати — тридцати метров перед нами из оврага появилась первая шеренга атакующих. Мы, пятеро оставшихся в живых, увидели, что противостоящий нам противник находится в большом численном превосходстве. Несмотря на все предпринятые мной меры предосторожности, мое оружие было неисправно. Рядом со мной вдруг возник 17-летний пулеметчик. Свой пулемет «MG» он бросил в правой стороне окопа. Последние три дня этот несчастный не мог спать от страха и возбуждения, что было вполне понятно. Его глаза так распухли, что их практически не было видно. Я, например, в мои девятнадцать,

heard the Russian «hurrah!», and the lieutenant Tidik said: «Here they come». In the smoke of gunpowder at the distance of about twenty-thirty meters the first row of attackers appeared before us

from the ravine. We, five survivors, saw that the enemy had a considerable numerical superiority. In spite of all my precautions taken my weapon was damaged. When suddenly a machine gunner of seventeen years old appeared beside me. He threw his machine gun MG in the right side of the trenches. The last three days this luckless youth couldn't sleep because of fear and excitement, I understood him very well. His eyes were so puffed that they were quite indistinguishable. I for one in my age of 19 was in the battles in Ukraine and Romania (today's Moldavia) and came to terms with the death. But this was a real hell. It would be exaggeration to say that I wasn't scared. However, the desire for surviving gave me an outburst of energy. I shouted to the machine gunner: «Carry your gun now!». I gave my MP to the lieutenant.

The first and then the second waves of the Russians were coming

Мучински Хайнц, спустя 65 лет

тому ровно в двенадцать наступил перерыв, и все отправились перекусить, благо обед готовили прямо на месте.

К вечеру можно было констатировать, что подняты два солдата вермахта, но есть наработки и на следующий день.

До лагеря, где нам предстояло жить, ехали около пятнадцати минут. По дороге, в каждой деревне мы встречали огромное количество самых разнообразных тыков — наступал Хеллоуин и местные жители активно к нему готовились. Взрослые наряжались в различные костюмы, а дети с мешками бегали по соседям в надежде получить вкусное угощение...

Добравшись до места, мы увидели обыкновенный «пионерский лагерь». Однако разница между нашим обычным лагерем и этим, сразу бросилась в глаза.

Комнаты на четверых, в каждом номере умы-вальник, отопление, комплект чистого белья. Душ и туалет на этаже, да и питание: завтрак и ужин — «шведский стол», ну а обед, как и говорилось выше, на работе.

Клессин незадолго до боевых действий 1945 года

Аэрофотосъемка сделанная в районе Клессина 3 апреля 1945 года, через несколько дней после окончания боев. На ней отчетливо видны линии окопов и воронки

found some soldiers. And the Dutch distinguished themselves — they discovered two Wehrmacht soldiers with a bomb box, they caught it with the ground search detector. But also the «German detector» in hands of our friend had luck — and another Wehrmacht soldier has been found with the help of ordinary sprays — this method is used in Russia to find a place where there is water for digging a well. Ultimately we also have luck — together with Stefan we have found another soldier.

It is getting on for the noontime but the present day is the Memorial Day in Germany when the dead soldiers shall also be remembered. That's why instead of dinner we go to the centre of Klessin where we are going to lay a wreath at the monument to all soldiers who fought in this land

during World War II. The monument was built by the Wehrmacht veterans to commemorate the Russian and German soldiers who had fallen in March-April 1945.

побывал уже в боях на Украине и в Румынии (сегодняшней Молдавии), и уже кое к чему успел привыкнуть. Но это был настоящий ад, и было бы преувеличением сказать, что я не испытывал страха. Однако желание выжить вызвало во мне взрыв энергии. Я крикнул пулеметчику: «Тащи скорее пулемет!».

Первая, а затем и вторая волна атакующих нас русских все приближалась. На бегу, они стреляли из автоматов. В сущности, я был даже рад, что началась атака, и что закончилась игра в прятки под ураганным огнем, когда совершенно не можешь себя защитить. Оружия у меня по-прежнему не было, поэтому я погрозил приближавшемуся ко мне русскому, который был уже на расстоянии где-то десяти метров, кулаком. Он погрозил мне в ответ и выстрелил. Я оставался, совершенно спокоен и подумал, что бой будет крайне тяжелым. В это же время русские стали забрасывать нас ручными гранатами. Одна из них упала прямо между ногами моего посыльного, который находился примерно в четырех метрах от меня. Он этого даже не заметил. Я прыгнул к нему, хотел его оттащить, но тут граната взорвалась. Посыльный получил ранение в ногу и в обе руки, что вывело его из боя. Наконец принесли пулемет, что дало мне возможность для более активного участия в бою.

Таким образом, нам удалось отбить первую и вторую волну атаки русских. Затем я увидел сзади, наискосок от нас, красноармейца, который прорвался за наши окопы и теперь целился в меня сзади. Я подпрыгнул, схватил пулемет, и начал стрелять от бедра в направлении красноар-

closer and closer. While running they shot from their rifles. Generally speaking, I was glad that the assault had begun, and that hide-and-seek game under the hammering fire when you couldn't defend yourself was over. Since I had no weapon I shook fist at a Russian approaching to me who was already within about ten meters. He shook fist at me in return and took a shot. I stopped for a moment and thought this would be a heavy fighting. At this time the Russians began to bomb us. One of the bombs fell right between the legs of my messenger who was about four meters away from me. He didn't see it. I made a jump towards him to pull him away but just then the bomb exploded. The messenger was wounded in the leg and both arms, and he became incapacitated. Finally, they carried the machine gun what gave me the possibility of being more active in the combat.

In such a way we managed to shatter the first and the second assault waves of the Russians. Then I saw behind, at an angle, a Red Army man who smashed through our trenches and was aiming at me from behind. I jumped up, grasped the machine gun and began to shoot at random in the direction of the Red Army man. Of course, I could not hit the target: the bullets got below sand in front of him. He plunged down. I saw in this my chance. I thought to myself: «Now he must act exactly in the same manner as we had been instructed». I jumped with the machine gun into the trenches. The lieutenant shouted: «The third wave is coming!» Suddenly at the distance of one meter from us, from the left, the Red Army man emerged. I was ready for this, and it saved me. All the events happened in less than no time, and now it is impossible to commit it to writing ...

Вечер прошел под знаком знакомства с остальными членами нашей группы. Под флагом «V.B.G.O.» собрались поисковики из Польши, Голландии, Германии, Швейцарии и России. По количеству участников этой экспедиции определить было сложно, так как кто-то постоянно уезжал, а кто-то, наоборот, приезжал.

Утром подъем, завтрак и снова на работу. Вереница машин от лагеря выезжает в сторону Клессина.

Экскаватор методично вскрывал грунт, в надежде на удачу. Она и впрямь несколько раз улыбнулась Штефану: несколько солдат нашел именно он. Вот и голландцы отличились — зацепили на «глубинник» двух немцев с ящиком гранат. Еще один солдат вермахта был найден с помощью... обычных веточек, тем методом, каким у нас ищут место, где есть вода, для раскопки колодца (подобно нашему щупу, прозванному европейцами «русским детектором», это приспособление нарекли «немецким детектором»).

Конечно, попасть в него я не мог: пули зарывались перед ним в песок. Он нырнул вниз. Я подумал про себя: «Теперь он поступит именно так, как нас учили». Я бросился с пулеметом в окоп. Лейтенант закричал: «Идет третья волна!» Внезапно на расстоянии одного метра от нас слева появился красноармеец. Я этого ожидал, что меня и спасло. Все вокруг меня происходило очень быстро, многое невозможно изложить на бумаге...

Потом нам удалось отбить и третью атаку. Внезапно между нашими окопами (в них были только погибшие) и замком Клессин появились два танка Т-34. Они предприняли попытку прорыва в направлении расположения командования роты. Тогда было такое правило: кто подобьет танк, получает 14 дней отпуска. Мне очень хотелось их получить. Но гранаты, сигнальный пистолет и прочая амуниция лежали в укрытии на расстоянии примерно тридцати метров по направлению к танку. Лейтенант стал прикрывать меня огнем, а я побежал к укрытию, чтобы принести оружие. Но там притаились три красноармейца. Они так же испугались от неожиданности, как и я. Я сумел схватить только две гранаты и сумку с сигнальным пистолетом и убежать. С гранатой в руке я побежал по направлению к танку, чтобы приблизиться на расстояние выстрела. Очевидно, в танке меня заметили, и прибавили газу, так что мой замысел потерпел неудачу. Я вновь вернулся к своему «МГ», чтобы отбивать новые атаки. В общей сложности нас атаковал целый батальон.

Неожиданно я получил удар в шею. Со стороны Одера из оврага по нам вело огонь русское орудие. Осколок сна-

At the monument the veteran, an old Wehrmacht officer, and now just a German, makes a brief speech addressing to all of us, and, perhaps, not only to us but to those who has fallen in that war and says that any kind of shall be stopped. He also says that we shall respect and commemorate the fallen soldiers.

Together we lay the wreath — a Russian searcher and an old Wehrmacht soldier. Maybe this is as it should be ...

Then a moment of silence follows. But it turns out that there is a local tradition — the tradition of hunters. While the moment of silence continues it is necessary to blow the horn. No mere any horn but a horn of hunters which have hunted around here from the beginning of time. And this tradition has never been offended.

And at the excavation they have been long ago eating, and the lunch could not have come at a better time. We are sitting and drinking the Russian vodka

За работой. Можно и так называть поисковое движение

Then we also managed to shatter the third assault. Suddenly two tanks T-34 appeared in the area between our trenches (only the dead remained there) and the castle of Klessin. They made a shot at penetrating in the direction of the company command disposition. At that time there existed such a rule: a soldier who brews up a tank can have 14 days of leave. I was anxious to get it. But antitank bombs, flare gun and other ammunition were covered in the place at the distance of about thirty meters towards the tank. The lieutenant began to give firing cover, and I ran to the place with ammunitions. But there were three Red Army men there. They were as scared as I was. I managed to grasp only two bombs and a bag with a flare gun and ran away. Using one bomb I could make for myself an access to the tank. Carrying the last bomb I ran towards the tank to get closer to the tank within shot. Obviously, those who were in the tank noticed me and opened up the engine, and my plan failed. I returned to my MG to shatter new assaults. This time a whole battalion assaulted us in all.

Unexpectedly, I received a blow on my neck. From Oder out of the ravine the tank destroyer carried firepower against us. The shell splinter hit the right part of my neck. A heavy bleeding began immediately. Thankfully, the carotid was not affected. My tongue swelled so that I couldn't speak nor close my mouth. The lieutenant Tidic stanced me after which I gave him the machine gun. Now I also became incapacitated. My messenger and I started to retrograde. We had to creep in some distance from T-34s that were pushing forward. Meanwhile the machine-gun firing was conducted against us. Passing the 53.9 height we proceeded on the road Podelzig-Lebus. To our astonishment, we saw the

Наконец-то везет и нам – вместе со Штефаном находим одного солдата.

Время к полудню, но сегодня в Германии день памяти всех усопших и вместо обеда мы выезжаем в центр Клессина, где нам предстоит возложить венок к памятнику воевавшим на этой земле в годы Второй мировой войны. Мемориал был сооружен ветеранами вермахта, как дань памяти солдатам – русским и немецким, погибшим в районе Клессина в марте–апреле 1945 года.

У памятника ветеран – бывший офицер вермахта, произносит небольшую речь, обращаясь ко всем нам, а может и не только к нам, а всем тем, кто погиб в той войне, о том, чтобы никогда не было больше войны. Что мы должны уважать и чтить память погибших солдат.

with an old German soldier. The third glass for the commemorations of the dead souls, and our Hans never once missing any toast says goodbye to everyone and gets into his «Opel-Astra» and drives away. He is likely to forget that he is 83 years old after all. And we remember our veterans and suddenly feel sadness in our hearts ...

It is getting dark imperceptibly, and our company gathers in the camp for dinner is waiting for us. Later we have seen a newsreel of battles in Klessin, viewed by the Germans. Unfortunately, we don't understand German, therefore we hold to our opinion that the Red Army is the strongest. After the movie all got together to share opinions about the search. The Germans told how they took part in search expeditions in the Demyansk Pocket and in Sinyavino. The Dutch shared impressions about their work near Volgograd. We showed a film about our searchers work in Smolensk and Novgorod Regions. Unfortunately, it was our last evening when every one of us was there. The next day all people would return home.

ряда попал мне в правую часть шеи. Сразу началось сильное кровотечение. Слава богу, сонная артерия была не задета. Язык вспух так, что я не мог ни говорить, ни закрыть рот. Лейтенант Тидик перевязал меня, после чего я отдал ему пулемет. Таким образом, я тоже выбыл из строя. Мы, вместе с моим посыльным, стали отступать назад.

Миновав высоту 53,9, мы проследовали по дороге Подельциг–Лебус. К нашему удивлению, на обочине мы увидели трупы трех русских солдат. Видимо, они прорвались к дороге еще до того, как наше отделение заняло свои позиции, но контратака отбросила их к Одеру, в низину. Дорога на Подельциг была для нас закрыта: по ней велся обстрел, и перерывы между выстрелами были не более двадцати секунд. С нашими ранениями мы не могли передвигаться под огнем. Поэтому мы пересекли улицу и побежали в западном направлении через поля. По дороге мы увидели немецкое орудие, рядом с которым лежали трое убитых солдат. Вдруг, приблизительно в ста метрах перед нами, у железнодорожной линии появились немецкие солдаты с оружием наизготовку. Они не смогли распознать в нас немцев. Я же не мог говорить, мог только махать руками. Униформа была целиком покрыта грязью и кровью. Но нужно было бежать дальше. Оставаться на месте означало бы для нас верный конец. Когда мы были приблизительно на расстоянии двадцати метров от них, прозвучал, наконец, приказ: «Опустить оружие, это же унтер-офицер Мучински!» Приказ отдал офицер из штаба батальона, с которым я еще в три часа ночи пил коньяк. Меня тут же отвели в будку путевого обходчика, а моего

bodies of three dead Russian soldiers off the road. They seemed to slice through defenses to the road before our subdivision had taken up its positions but the counterattack brushed them aside towards Oder, to the bottom land. The road to Podelzig was closed for us: the enemy kept it under fire and the breaks between shots were not more than twenty seconds. Having been wounded we couldn't move under fire. That is why we crossed the street and ran westward through fields. On the way we saw a German cannon and three dead soldiers next to it. Suddenly within about of 100 m before us the German soldiers appeared at the railroad with guns at the ready. They couldn't identify us as Germans. I couldn't speak, I was able only to flourish my arms. The uniform was totally covered with dirt and blood. But we needed to run forward. To stay where we were meant a sure death for us. When we were about 20 m from them the order was heard at last: «Lower down the guns, that's Unteroffizier Mutschinski!» The order was given by that officer from battalion headquarters with whom I had drunk cognac in three o'clock in the morning. I was taken to the booth of the lineman and my orderly – to the bunker situated behind it. They applied a new dressing over the old one.

Suddenly in close vicinity to us heavy artillery shells started bursting. All people ran to take cover, only I kept my seat. I was totally exhausted. Using the signs I asked to give me a pencil and some paper. I outlined the area and made the description of the combat. The Unteroffizier Spalt who was sitting on the roof framing and was observing the area shouted: «White signal flares from the forest». Then I said this was the lieutenant Tidik with two soldiers as it was I who had left the flare gun to him. Since then I have never

Хоть бы штурмгеввер оставили для музея

Неизвестный советский солдат, найденный в районе Клессина осенью 2009 года

востового – в находившийся позади бункер. Поверх старой повязки наложили новую.

Вдруг в непосредственной близости от нас начали рваться тяжелые артиллерийские снаряды. Все побежали в укрытие, только я остался сидеть. У меня просто не было больше сил. Знаками я дал понять, чтобы мне дали карандаш и бумагу. Я сделал набросок местности и составил описание прошедшего боя. Тут унтер-офицер Шпальт, который находился в качестве наблюдающего на стропилах, крикнул: «Белые сигнальные ракеты из леса». Я сообщил, что это лейтенант Тидик с двумя солдатами, так как сигнальный пистолет ему оставил я сам. Об этих трех я больше ничего не слышал, и по сей день, они числятся пропавшими без вести. После чего и я спустился в бункер и впервые за 14 дней оказался в теплом помещении.

Дальше госпиталь. Но надежда на то, что со дня на день война закончится, к сожалению, не оправдалась. Я был отправлен в Мюнхен, там нас снова бросили в бой, и 30 апреля я был взят в плен американцами у населенного пункта Фельдмохинг (Feldmoching) вблизи Мюнхена. Через лагерь Фюрстенфельдбрух (Fürstenfeldbruck) и Хайльбронн (Heilbronn) нас отправили в Манс (Le Mans), где мы были проданы американцами французам в качестве рабочей силы. В феврале 1948 года я вернулся домой».

Вот такие воспоминания, невольно переносящие нас в далекий 1941-й, когда сложная обстановка для нашей отступающей армии была во многом схожа с ситуацией немцев в 1945-м под Берлином.

Школьный музей. Изделия местных жителей – кувшин из противогазного бачка

heard about these three men and to the present day they are on the list of missing persons. Thereafter I walked down to the bunker and for the first time in two weeks I found myself in a warm room.

Then was the hospital. But the hope of seeing the war terminated was proved to be wrong, unfortunately. I was sent to Munich, after we were thrown into the fray again, and in April, 30 I was captured in prison by the Americans near the settlement Feldmoching in the vicinity of Munich. Through the camps of Fürstenfeldbruck and Heilbronn we were sent to Le Mans where we were sold by the Americans to the French as labor force. In February, 1948 I returned home».

Мы возлагаем венок вместе – русский поисковик и бывший солдат вермахта. Наверное, в тот момент не могло быть иначе...

Следует минута молчания. Но, оказывается, есть местная традиция – традиция охотников. Во время минуты молчания нужно протрубить в горн. Не просто в горн, а в горн охотников, которые испокон веков охотились в этих местах. И эта традиция еще ни разу не нарушалась.

А на раскопе уже давно едят, и обед как нельзя кстати. Мы сидим и пьем русскую водку с бывшим немецким солдатом. По третьей за помин души, и наш Хайнц, ни разу не пропустив тоста, попрощавшись со всеми, садится за руль своего «Опель-Астра» и уезжает, наверное, забыв, что ему уже 83 года. А мы вспоминаем наших ветеранов и на душе становится грустно...

Незаметно темнеет и наша компания собирается в лагерь, где нас ждет ужин и кинохроника о боях в Клессине глазами немцев. К сожалению, по-немецки мы не понимаем, поэтому остаемся при своем мнении, что Красная Армия всех сильнее. После просмотра все собрались поделиться своим мнением о по-

Коробок спичек, найденный у советского солдата

иске. Немцы рассказывали, как они принимали участие в поисковых экспедициях в Демянском котле и в Синявино. Голландцы поделились впечатлениями о работе под Волгоградом. Мы показали фильм о работе российских поисковиков в Смоленской и Новгородской областях. К сожалению, это был последний вечер в полном составе, на следующий день все разъезжались по домам.

Утром рано, выехав на место, все с новыми силами взялись за работу. Опять гудит экскаватор, разбрелись по всему полю поисковики, в надежде помочь еще хотя бы одному без вести пропавшему солдату. В течение дня в траншее удалось найти и поднять еще троих немецких солдат, к сожалению, вообще без каких-либо личных вещей. Да и количество останков этих несчастных было минимальным. Недостатка боеприпасов у Красной Армии в конце войны уже не было.

Кстати, о боеприпасах. Все, что было найдено в ходе работ, без исключения, было отдано службе, которая занимается разминированием. Это германский аналог нашего МЧС, но только частный, и поис-

Останки солдат вермахта, запаханных в окопе

Having arrived at the site early in the morning all men set to work with renewed vigor. Again the excavator was humming, the searchers were dispersing all over the field in the hope of making a difference for at least one missing soldier. Throughout the day we managed to find and to excavate three other German soldiers in the trenches, unfortunately, without any personal items at all. And indeed the remains of those poor fellows were least. The Red Army was not short of ammunition towards the end of the war. Talking of ammunition. All that was found in the course of works, every single item, was handed over to the service which was involved in mine neutralization. This is a German equivalent of our Ministry of Emergency Situations but only this is a private service, and the members of the search team have to pay out of their own pockets for the assistance of such specialists during works. Otherwise, it is prohibited to carry out works without their permission.

After the search works have been finished the excavator flattened completely the dug field area and a half a team went out with rakes and pailfuls of oat to sow the fields where excavations were made. Those were the local conditions of search works.

Школьный музей. Шумовка из сетки от немецкого противогАЗа

Мемориал в Лебусе

ковикам при проведении работ приходится из своего кармана оплачивать присутствие этих специалистов. В противном случае, без их разрешения работы производить запрещено.

После завершения исследований, экскаватор полностью разровнял поврежденную территорию поля, и половина отряда вышла с граблями и полными ведрами овса засеивать место, где проводились раскопки. Таковы местные условия поисковых работ.

Перед тем как расстаться, нам было необходимо определить на временное хранение останки тринадцати найденных солдат и офицеров вермахта. Но сначала мы решили посетить братское кладбище со-

Совместное возложение венка к могиле советских солдат

Бывший офицер вермахта перед возложением венка к памятному камню

Немецкая временка

Германское военное кладбище Ляйтцен

Prior to parting we had to find a place for a temporary storage of remains of thirteen found Wehrmacht soldiers and officers. But in the first place we decided to visit a brotherhood cemetery of Soviet soldiers perished when breaking through the enemy's defenses at the Seelow Heights.

The War Memorial is situated in the city of Lebus, several kilometers from Klessin. On the way the guys told that according to the results of search works since 1991 the remains of 740 Soviet soldiers and officers

ветских солдат, погибших при прорыве укреплений противника на Зееловских высотах.

Воинский мемориал расположен в городе Лебус, в нескольких километрах от Клессина. По дороге ребята рассказали, что в результате поисковых работ, начиная с 1991 года, здесь похоронены 740 советских солдат и офицеров, найденных в этом районе. А всего на мемориале покоятся останки 4537 воинов (1731 имя известно, а 2806 – не установлено). Мы возложили венок, сказали несколько теплых слов в память о павших в боях за Родину. И конечно от редакции поблагодарили всех наших друзей за их отношение к нашим солдатам, ведь практически все красноармейцы были найдены и перезахоронены поисковым объединением «V.B.G.O.».

Затем мы отправились на немецкое кладбище, где предполагалось оставить найденные останки.

Приехав на место, мы не сразу поняли, где, собственно, находится кладбище – слишком уж оно отличалось от того, что мы привыкли видеть. Немецкое кладбище в местечке Ляйтзен, по рассказам немцев существует с 1945 года, тогда здесь было похоронено 673 немецких солдата. За период с 1991-го по 2010 год было найдено и похоронено в это место 1260 солдат и офицеров вермахта. Ныне здесь похоронены почти 2000 человек.

Недалеко от кладбища располагался небольшой домик, куда мы и перенесли останки найденных солдат. В домике в несколько рядов стояли маленькие картонные гробы – в каждом по одному солдату. Огромное количество еще не собранных гробов размещалось посередине комнаты, своим видом напоминая, что работы хватит еще надолго.

На этом и заканчивается наше повествование. Все попрощались и разъехались по домам. До нашего приезда, Голландия была самым дальним государством, откуда ребята приезжали в экспедиции в Германию. Теперь же все стало по-другому, ведь нам не удалось найти наших солдат, а значит, мы обязательно вернемся, тем более, знаем, что они нас ждут.

discovered in this area were buried here. And the remains of 4, 537 military are buried in the memorial in all. Of which 1.731 men have been identified, and 2, 806 have been unnamed. We laid a wreath, said a few warm words in memory of the fallen for the Motherland. And certainly we thanked all our friends in the name of the editorial staff for their attitude to our soldiers, because practically all Red Army men have been found and re-interred by the search organization VBGO.

Then we went to a German cemetery where we were supposed to leave the found remains.

After having arrived at the site we understood not immediately where actually the cemetery was located – it was too much unlike what we got used to see. As the Germans said the German cemetery in the vicinity of Leitsen has existed since 1945. At that time there was not enough place at secular cemeteries to bury all dead men and until 1991 there were buried 673 German soldiers. Starting from 1991 to 2010 there were found and also buried 1200 soldiers. There are now approximately 2000 persons reposed here in all.

Not far from the cemetery there was a small house where we carried the remains of found soldiers. Inside the house there were several rows of small cardboard coffins – one soldier in every coffin. A vast number of coffins yet not filled was in the middle of the room as if saying that there would be enough work for a long time.

There's where our narration is nearly over. People wished good-bye to each other and departed to their homes. Before our arrival Holland was the farthest state from where guys came on expeditions in Germany. Now things became different. Even though we failed to find our soldiers, we must return here, especially as we know they will be waiting for us.

Вот так хоронят своих солдат в Германии...
Кладбище Ляйтзен

Табличка с могилы немецких солдат